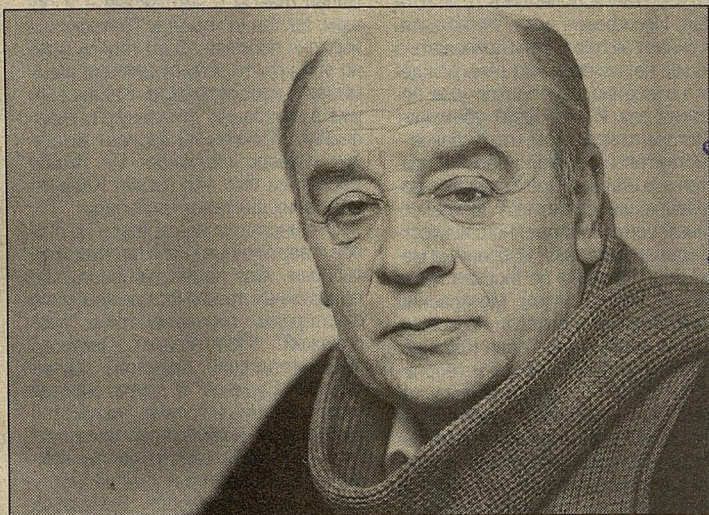

Человек, делающий себя сам

Л.Броневоу — 75

Леонид Броневоу для нескольких поколений отечественных зрителей — личность харизматическая. И сразу просится знак вопроса — это Мюллер-то с харизмой? Однако, во-первых, далеко не Мюллером единым жив в зрительских сердцах артист Броневоу. А во-вторых, культовый шеф гестапо в культовом сериале «Семнадцать мгновений весны!» признаться, так по-человечески к себе располагает, что зловещее место его работы временами даже мешает восприятию образа. Броневоу, как никто, умеет играть некую загадку души. Его несомненная характеристика — особого рода. Она мягкая, невыпуклая, иронически-лиричная и снисходительная к людским слабостям. Говорят, в обычной жизни артист неснисходителен, неуживчив и колюч. А на сцене и на экране — напротив, торжествует знаменитая театральная формула «в плохом ищи, где он хороший». Броневоу понимает своих «плохих» или «не очень хороших» героев, он ищет не внешнюю логику поведения, а некий глубоко скрытый, внутренний мотив. К примеру, тот же Мюллер, как это ни смешно, был фанатиком честного труда и очень ценил в других способность хорошо работать. Не потому ли изучал дело Штирлица с такой скрупулезностью и с такой искренней досадой (неужто ошибся?). Не оттого ли его сцены со старыми сыскарями неожиданно отдают романтикой (где вы, молодые годы сыщика?).

Еще один культовый телегерой Броневоу — куплетист Велюров из «Покровских ворот». Этот персонаж откровенно смешон, весьма уязвим и по жизни, и по «творчеству». Но одновременно он и талантлив. О эта легкая посадка за роялем, этот победный взгляд, бросаемый на немногочисленных зрителей летней эстрады в минуты особо ударных политических строк в адрес гнилого капитализма! Перед нами едва ли не Вертинский, только попавший в скверные предлагаемые обстоятельства. Бедный советский шансонье эпохи холодной войны — нам и смешно, и жаль его.

Броневоу музыкален необычайно. И не в том дело, что он весьма недурно поет и играет на фортепиано. А в том, как акварельно и вместе с тем полифонично он выстраивает роли. Какие у него возникают созвучия голосов: смешит сквозь грусть, грустит сквозь смех, ерничает с муд-

ростью философа, знающего цену реальной жизни.

Леонид Броневоу сменил в своей жизни множество провинциальных сцен. Он уже был действующим артистом, когда написал письмо Алексею Грибову, сжигаемый страстным чеховским желанием «в Москву, в Москву». О том, как его принимали в Школу-студию МХАТа, как в промозглую погоду, с драным чемоданишкой в руке он дожидался Грибова в Камергерском переулке, как ночевал на вокзале и предстал наконец пред очи сановных мхатовцев и был принят сразу на третий курс, — обо всем этом артист уморительно рассказывал на недавнем юбилее школы. У него за плечами — подлинная жизнь артиста, с хождениями из Вологды в Керчь, с мотаниями по разным московским сценам, с жилищными и денежными проблемами. Театр Ленком, где Л.Броневоу обрел оседлое творческое состояние, подарил ему множество ролей, в первую очередь в спектаклях М.Захарова («Мудрец», «Фигаро», «Варвар и еретик», «Плач палача»...). Но особо хочется остановиться на «Чайке», где его игра в роли доктора Дорна, на мой взгляд, — самое сильное место этого звездного спектакля. Казалось бы, актер с полным правом мог спрятаться за свою фирменную бесстрастную интонацию, за немелодично звучащую речь бывалого циника. Собственно, в таком духе Дорн — Броневоу и существует в первых сценах. Но вот он остается наедине с Костей Треплевым (Д.Певцов), и что-то взрывается в душе этого немолодого, усталого человека. Дорн стремительно пересекает сцену, расшвыривает в досаде стулья, будто эти невинные предметы мебели мешают ему установить контакт с замкнутым, заиклившимся на своих комплексах юношей. Чеховский доктор, эта горькая смесь неведения с идеализмом, толстой кожи с обнаженным нервом, горячечно твердит Треплеву, что тот талантлив и не должен оставлять своих стараний. Бездна одиночества, звериная тоска по недостижимому идеалу и нежданная сердечная теплота — все сыграно в этом эпизоде.

Леонид Броневоу, чья актерская манера, кажется, совершенно оформилась, взыскует к подражанию, хотя и плохо ему поддается, еще наверняка удивит нас чем-то неожиданным. Дело лишь за новыми хорошими ролями.

Наталья КАМИНСКАЯ

Куплетист — 18-21 век. — с. 9